

УДК 343.2

Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства

С.П. ДОНЕЦ – доцент кафедры уголовного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются становление и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства от средневековых правовых источников Древней Руси до законодательства нового времени имперской России. Утверждается, что появление квалифицирующих и привилегирующих признаков в доктрине отечественного уголовного права имеет глубокие исторические корни, а их регламентация в законодательстве сохранила определенную преемственность на всем протяжении его развития.

Ключевые слова: квалифицирующие (привилегирующие) признаки; состав преступления; история уголовного права России; средневековое уголовное законодательство Древней Руси; кодифицированный уголовно-правовой акт.

The formation and development of the institution of qualified and preference corpus delicti in the history of Russian criminal legislation

S.P. DONETS – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Vologda State University, PhD. in Law, Associate Professor

The article deals with the formation and development of the institution of qualified and preference corpus delicti in the history of Russian criminal legislation from medieval legal sources of ancient Russia to the legislation of the new time of imperial Russia. It is argued that the emergence of aggravating and extenuating features in domestic criminal law doctrine has deep historical roots, and their regulation in the law kept some continuity throughout its development.

Key words: qualified (preference) features; corpus delicti; the history of criminal law in Russia; medieval criminal law of ancient Russia; the codified criminal law act.

Становление и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в отечественном уголовном праве и законодательстве имеет глубокие исторические корни¹.

Так, еще в первом письменном памятнике уголовного права России – Краткой редакции Русской Правды X в. – указываются различные санкции за разные виды преступлений против собственности, жизни, здоровья, чести и достоинства личности и др. Например, в Русской Правде в пределах двух видов преступлений – убийство (ст. 19–27) и похищение (ст. 33) – ответственность наступает в зависимости от социального положения потерпевшего, а также предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как группа лиц (ст. 31) и кража но-

чью из дома (ст. 38)². Следовательно, еще в X в. законодатель разделял ответственность (типовое наказание) с помощью квалифицирующих признаков состава преступления.

Истоки дифференциации уголовной ответственности принято искать в первых летописных памятниках Древней Руси, начиная с Русской Правды. Правоспособность различалась в зависимости от социальной принадлежности лица.

Проанализируем на примере Краткой и Пространной редакций Русской Правды особенности конструкции квалифицированных составов.

Так, квалифицированным составом следует назвать ст. 5 Краткой редакции Русской Правды, предусматривающую ответствен-

ность за причинение увечий мечом («и уткнеть руку, и отпадеть рука или усохнуть...») в виде штрафа в 40 гривен, по отношению к основному составу, содержащемуся в ст. 9 («оже ли кто вынезь меч, а не ткнуть...»), предусматривающей штраф в 1 гривну³. Это пример дифференциации уголовной ответственности по последствиям – признакам объективной стороны.

Свидетельством дифференциации по объекту и признакам объективной стороны являются следующие статьи Краткой редакции: ст. 1 – убийство смерда (основной состав), предусматривающая ответственность в виде штрафа в 40 гривен⁴; ст. 19 – «убийство в обиду огнищанина – старшего дружинника» (квалифицированный состав), наказывалось штрафом в 40 гривен; ст. 20 – убийство в разбое (особо квалифицированный состав), карающая смертной казнью по суду; ст. 21 – убийство огнищанина у клетки (квалифицированный состав с особой степенью общественной опасности), позволяющая лишить убийцу жизни без суда в любое время суток⁵.

Виды множественности постоянно выступали квалифицирующими и особо квалифицирующими обстоятельствами в законодательных актах XV–XVI вв., например в Уставе Ярослава о земских делах⁶, Псковской Судной грамоте⁷ (ст. 8), Судебнике 1497 г.⁸ (ст. 11). В последнем документе предусматривалась смертная казнь за повторную кражу при отсутствии имущества у виновного лица. Это положение сохранилось в жалованных грамотах – Псковской Судной и Двинской Судной⁹.

Приведенные квалифицирующие признаки¹⁰ преобладают также в Краткой и пространной редакциях Устава Князя Ярослава о церковных судах¹¹.

Схожа с приведенными статьями о повторных преступлениях редакция ст. 14 Медынского губного указа 1555 г., закрепившая неоднократность в качестве особо квалифицирующих признаков, влекущих смертную казнь («татьбы три или четыре или выше»).

В Судебнике 1497 г. расширился перечень квалифицирующих обстоятельств.

Судебник 1550 г. (Ивана IV) практически повторил дифференциацию уголовной ответственности Судебника 1497 г. Следующее за ними Соборное уложение 1649 г. усовершенствовало качественные и количественные характеристики квалифицирующих признаков, ввело новые отягчающие обстоятельства-признаки: совершение преступления в условиях стихийного бедствия

(ст. 91), с оказанием сопротивления при задержании (ст. 88) и др.

Судебник достаточно широко использует привилегирующие признаки. Впервые выделяются мелкая кража, которая наказывается значительно мягче («а поличное и гривны не стоит» – ст. 90 гл. XXI), а также полевое, садовое и огородное воровство (ст. 89 гл. XXI, ст. 221, 222 гл. X)¹². Имперский период развития российского уголовного законодательства начался в конце XVII – начале XVIII вв. радикальными реформами Петра I. Ученые насчитывают около 400 законов и указов Петра I, касающихся вопросов уголовного права. На рубеже XVII–XVIII вв. и в 20-е гг. XVIII в. велись работы по кодификации уголовного законодательства.

Среди нормативных актов в уголовно-правовой сфере того периода основными по праву считаются Артикул воинский 1715 г. и Устав морской 1720 г., применявшиеся не только военными, но и гражданскими судами.

Воинский устав включал в себя Устав воинский и Артикул воинский и действовал почти без изменений до 1839 г. Характерной чертой исторического развития отечественного уголовного права того периода можно назвать обращение к опыту законодательской деятельности западноевропейских государств, особенно Германии. В итоге улучшилась законодательная техника, в том числе и применение квалифицирующих и привилегирующих признаков, стали применяться новые законодательные конструкции, уменьшилась казуистичность.

Особенно активно использовались квалифицирующие и привилегирующие признаки состава преступления в Артикуле воинском. По подсчетам Т.А. Лесниевски-Костаревой, около 1/3 артикулов (65 из 209) дифференцируют типовое наказание с помощью этих признаков¹³.

Именно в законодательстве петровского периода впервые появляются дифференцирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне состава преступления¹⁴.

Следующим шагом в законодательной технике стало легальное толкование квалифицирующих и привилегирующих признаков. Например, установив ответственность за мелкие кражи, законодатель в толковании к тому же артикулу указывает, что «по рассмотрению суда к ним могут быть отнесены овощные воры, також де которые дрова, кур, гусей и рыбы крадут...». Подобным образом давалось определение понятия таких при-

вилегирующих признаков, как служебная ревность (артикул 154 гл. XIX), несовершеннолетний возраст виновного (артикул 195 гл. XXI), крайняя нужда – «если голодный человек совершит кражу», «из крайней голодной нужды... съестного или питейного... невеликой цены» (артикул 195 гл. XXI). Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку по судейскому усмотрению оно могло рассматриваться либо в качестве привилегирующего признака и уменьшать наказание, либо в качестве основания освобождения от наказания. Например, ч. 3 артикула 195 гласит: «Наказание воровства обыкновенно умалывается или весьма оставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное, или питейное, или иное что невеликой цены украдет... или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть».

Уголовное законодательство послепетровского времени продолжает традицию деления ответственности с помощью квалифицирующих признаков. Например, Указом Екатерины II 1781 г. было смягчено наказание за мелкие кражи, под которыми понимались кражи «ценою ниже 20 р»¹⁵. Уголовная ответственность в зависимости от стоимости похищенного, установленная Петром I, сохранилась и позже: в Уставе Благочиния 1782 г., указах 1802, 1812, 1814, 1816 гг., Своде законов 1832 г. Манифестом от 17.03.1775 г. было введено освобождение от уголовной ответственности (наказания) в связи с истечением сроков давности: «всякого рода преступления, коим десять лет прошло и через таковое долгое время они не сделались гласными, или по ним производства не было, все таковые дела повелеваем отныне предать... вечному забвению и по сей статье и впредь поступать во Всероссийской Империи пределах непременно» (ст. 44).

В XIX в. на качественно новый уровень выходит систематизация отечественного законодательства: в 1830 г. издается Полное собрание законов Российской империи, в 1832 г. – Свод законов Российской империи. Том XV свода, посвященный уголовным законам, включил как Соборное уложение 1649 г., так и Воинский устав Петра I, хотя они уже не соответствовали духу просвещенного XIX в. Особая заслуга в гуманизации уголовного права постпетровского периода принадлежит Екатерине II, которая в знаменитом Наказе обратилась к гуманистическим воззрениям французских про-

светителей и передовых правоведов (Вольтера, Руссо, Монтескье и др.).

Со временем квалифицирующие и привилегирующие признаки все чаще используются в уголовном законодательстве XIX в. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г., по подсчетам Т.А. Лесниевски-Костаревой, 737 статьей из 2023 Особенной части содержат квалифицирующие и привилегирующие признаки (36,43%), доля квалифицированных и привилегированных составов также достаточно велика – 1282 из 3419 (37,49%)¹⁶.

С течением времени в уложение вносились изменения. В результате к 1885 г. доля статей, содержащих рассматриваемые признаки, уменьшилась с 737 до 446, а число квалифицирующих и привилегирующих составов – с 1282 до 797, что не повлекло уменьшения их доли в числе всех составов, так как параллельно изменились и основные составы. За следующие 30 лет действия уложения (с 1886 г. по 1 июня 1916 г.) изменились 49,05% статей, но доля квалифицированных и привилегированных составов осталась стабильной. Более того, в Уголовном уложении 22 марта 1903 г. число квалифицированных и привилегированных составов возросло до 46,75% (512 из 1095), равно как и доля статей, содержащих специальные признаки, до 42,15% (253 из 612). А в статьях Уложения 1903 г., введенных в действие с 1 июня 1916 г., доля рассматриваемых составов еще больше – 53,76%, статей с указанными признаками 59,49%.

Уголовное уложение 1903 г. отличалось от предшествующих более удачными законодательными конструкциями и терминологией, использованными при формулировании квалифицированных и привилегированных составов преступлений. Редакционная комиссия при подготовке проекта уложения особое внимание уделяла систематическому изложению материала, облегчающему усвоение отдельных постановлений, стремясь к полноте, краткости и ясности определений, точности терминологии.

Например, в объяснениях к проекту уголовного уложения подчеркивалось значение систематического изложения квалифицирующих обстоятельств в новом уголовном законодательстве, критиковались недостатки в этой области Уложения о наказаниях¹⁷. Безусловно, на улучшение системы и редакции отдельных квалифицирующих признаков оказали влияние наука уголовного права и судебная практика, сформулировавшая, например, такое требование к терминам, как одинаковое их значение во всех случаях

употребления в законе¹⁸. Изложенное выше приводит к следующим выводам:

1) квалифицирующие и привилегирующие признаки по мере развития законодательной техники все более широко используются в отечественном уголовном законодательстве;

2) совершенствуется законодательная техника конструирования составов преступлений с квалифицирующими и привилегирующими признаками;

3) отечественный законодатель все удачнее компонуется квалифицированные и привилегированные составы преступлений. Так, на 15 декабря 1885 г. утратили силу 834 статьи уложения, введены в действие 223

статьи и изменена редакция 762 статей. Неизменными остались лишь 42 статьи, действовавшие с 1845 г., или 20,92%¹⁹;

4) соотношение квалифицирующих и привилегирующих признаков выглядит достаточно стабильным. Так, в Уложении 1845 г. доля привилегирующих признаков составляет 15,13% (194), в Уложении 1885 г. – 12,79% (102), в Уложении 1903 г. – 11,32% (53);

5) действующий уголовный закон по традиции также отдает предпочтение квалифицирующим признакам, несмотря на то что возможность дифференциации уголовной ответственности резко повышается при активном использовании обоих видов признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 101.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 47–49.

³ См.: Там же. С. 39.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 51.

⁶ См.: Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб., 1865. Т. 1. С. 874.

⁷ См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 331–339.

⁸ См.: Там же. С. 54.

⁹ См.: Там же. С. 181.

¹⁰ См.: Каплин М.Н. Дифференциация ответственности за преступления против жизни и здоровья в истории российского уголовного законодательства // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1998. С. 101.

¹¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 168–170.

¹² См.: Там же. С. 218–223; Т. 3. С. 83–176.

¹³ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. С. 105.

¹⁴ См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 327–357.

¹⁵ См.: Там же. С. 360.

¹⁶ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. С. 108; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX столетия). СПб., 1899. С. 410–412; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

¹⁷ См.: Замечания редакционного комитета уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного уложения. Преступления против личности. СПб., 1885. С. 24; Уголовное уложение: Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. СПб., 1897. Т. VI. С. 18.

¹⁸ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1913. С. 184; Систематический свод решений кассационных департаментов Сената. 1866–1871 гг. СПб., 1872. Т. 4. С. 207.

¹⁹ См.: Свод Законов Российской империи. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1916; Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904; Свод Законов Российской империи. СПб., 1916. Т. 15. Уголовное уложение (статьи, введенные в действие).

¹ См.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. M., 2000. S. 101.

² См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. M., 1984. T. 1. S. 47–49.

³ См.: Tam zhe. S. 39.

⁴ См.: Tam zhe.

⁵ См.: Tam zhe. S. 51.

⁶ См.: Berner A.F. Uchebnik ugovolnogo prava. Chasti Obshhaja i Osobennaja. SPb., 1865. T. 1. S. 874.

⁷ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. M., 1985. T. 2. S. 331–339.

⁸ См.: Tam zhe. S. 54.

⁹ См.: Там же. С. 181.

¹⁰ См.: Kaplin M.N. Differenciacija odgovornosti za prestuplenija protiv zhizni i zdorov'ja v istorii rossijskogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Juridicheskaja tehnika i voprosy differenciacii odgovornosti v ugovolnom prave i processe. Jaroslavl', 1998. S. 101.

¹¹ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. T. 2. S. 168–170.

¹² См.: Там же. С. 218–223; Т. 3. С. 83–176.

¹³ См.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. S. 105.

¹⁴ См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo H–HH vv. M., 1986. T. 4. S. 327–357.

¹⁵ См.: Там же. С. 360.

¹⁶ См.: Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. S. 108; Latkin V.N. Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII–XIX stoletija). SPb., 1899. S. 410–412; Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh. SPb., 1845.

¹⁷ См.: Zamechanija redakcionnogo komiteta ugovolnogo otdelenija Sankt-Peterburgskogo juridicheskogo obshhestva na projekt Osobennoj chasti Ugovolnogo ulozhenija. Prestuplenija protiv lichnosti. SPb., 1885. S. 24; Ugovolnoe ulozhenie: Proekt redakcionnoj komissii i ob#jasnenija k nemu. SPb., 1897. T. VI. S. 18.

¹⁸ См.: Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1885 g. SPb., 1913. S. 184; Sistematicheskij svod reshenij kassacionnyh departamentov Senata. 1866–1871 gg. SPb., 1872. T. 4. S. 207.

¹⁹ См.: Svod Zakonov Rossijskoj imperii. T. 15. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1885 g. SPb., 1916; Ugovolnoe ulozhenie 22 marta 1903 g. SPb., 1904; Svod Zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1916. T. 15. Ugovolnoe ulozhenie (stat'i, vedennye v dejsvie).